

Н.И. КРИВОШЕЕВА

аспирант кафедры государственного
управления и менеджмента Волгоградского института
управления – филиал Российской академии народного хо-
зяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Волгоград

В.Ю. ПОДУРУЕВА-МИЛОЕВИЧ

аспирант кафедры государственного управления
и менеджмента Волгоградского института
управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, г. Волгоград

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДО МАКРЕКЕРСТВА

В статье обосновываются характерные черты современной публичной сферы в контексте трех важнейших институтов демократии, таких как, свобода выражения, альтернативные источники информации и автономия ассоциаций. Утверждается, что ядром современной публичной сферы являются следующие ресурсы: демократизация информации, социальные сети, трансграничная публика, лидеры мнений, макрекерство. Анализируется влияние этих ресурсов на демократические институты. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса и концепция «коммуникационного избытия» Дж. Кина предлагаются в качестве методологического инструмента, выявляющего взаимосвязь между современной публичной сферой и ее демократическим потенциалом.

Ключевые слова: публичная сфера, демократия, Интернет, СМИ, гражданское общество, демократические ресурсы, социальные сети.

Введение. Цифровые реалии современного информационного пространства и социокультурная глобализация активно трансформируют публичную сферу как неотъемлемую основу демократии. Актуализируется переосмысление сформулированных известным политологом Р. Далем таких важнейших политических демократических институтов как [5. С. 85-86]: 1) свобода выражения взглядов по самому разнообразному кругу вопросов, не опасаясь наказания; 2) альтернативные и независимые источники информации; 3) ав-

тономия ассоциаций как право граждан создавать независимые сообщества, организации, политические партии и т.п. Ценность свободы выражения мнений заключается в том, что «благодаря ему обеспечивается моральная автономия, свобода моральных оценок и достойная жизнь» [5. С. 53]. В этой связи средства массовой информации (СМИ), провозглашающиеся как относительно независимый институт, или, «четвертая власть», занимают центральное место в плюралистических демократических процессах.

В свою очередь, Интернет предлагает мощные средства для непосредственного участия граждан в общественно-политической жизни, способствуя распространению дискуссий среди пространственно рассредоточенных социальных групп. Демократический потенциал Интернета был освещен, например, Д. Келлером (D. Kellner) [19], утверждающим, что киберпространство обеспечивает идеальную основу для транснациональных диалоговых обменов. Другая оптимистическая точка зрения состоит в том, что Интернет имеет тенденцию демократизировать доступ к информации и подрывать иерархию. Например, Де Сола Пул (De Sola Pool) рассматривал Интернет как изначально демократическую «технология свободы» [15].

Первые два демократических института логически обуславливают наличие и развитие третьего, а именно автономии ассоциаций. Казалось бы, растущий доступ к современным технологиям и социальным медиа закладывает основу для информированного гражданского общества, способного эффективно участвовать в политической жизни. Элитистский идеал, так называемого, «информированного гражданина» берет начало в конце XIX века. Его продвигали сторонники ограничения избирательного права образовательным цензом и группы интересов, выступавшие против официальной партийной политики. Но в современную «эпоху «коммуникационного изобилия» – это всего лишь «бесполезное клише», «интеллектуалистский идеал» [8].

Нет сомнения в том, что демократическая политическая система предлагает гражданам больший спектр прав и свобод, чем какая-либо другая. В коллективной жизни общества, в формах бытия культуры, то есть в мире духовных ценностей, где преобладают межличностные, человеческие отношения, демократические свободы занимают почетное место. Но это не есть некое исключительное благо, если речь идет о проявлениях демократических начал в формах бытия социума, где преобладают социальные взаимосвязи и власть. Рассматриваемые демократические институты в социальных системах могут иметь отчасти декларативный характер и/или использоваться для манипуляции общественным сознанием в публичной сфере. Необходимо прояснить как проявляются выше обозначенные демократические институты в современной публичной сфере, имеет ли она потенциал действительного демократического участия с учетом распространения Интернета и социальных медиа.

Методология и методы. Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса [17; 18] и концепция «коммуникационного изобилия» Дж. Кина выступают центральным аналитическим инструментом нашего исследования, помогающим выявить демократические ресурсы публичной сферы, а также понять взаимосвязь между СМИ, гражданским обществом и демократией. Концепция о трех формах бытия (природа, социум, культура) А.И. Бардакова [2] позволила анализировать демократические институты в их взаимосвязи с социумом и культурой. Методологическую основу исследования составили также и методы, традиционно применяемые в социальных науках: логический метод, анализ и синтез и др.

Публичная сфера в социально-политическом дискурсе. В отношении политической сферы публичность характеризует, с одной стороны, доступность обществу государственной политики, ее открытость для мониторинга и контроля, с другой, проявляется через формирование и взаимодействие сообществ, гражданских ассоциаций, инициатив, партий, групп интересов. Так, немецкая исследовательница М. Риттер, придерживаясь институционального подхода, утверждает, что публичную сферу и частную сферу следует изучать в диалектической взаимосвязи с политико-экономическим и социальным развитием общества, а также нормами демократии [10]. «Демократия участия» («партиципаторная» демократия) по мнению М. Риттер, представляется главной категорией, через которую можно исследовать и интерпретировать публичную сферу, под которой понимается «...опосредующий уровень между государственной властью и частными интересами...» [10. С. 13]. Публичная сфера представляется символическим посредником между личными интересами и целями отдельных граждан и политическими институтами.

А. Коллер (A. Koller) выделяет широкий и узкий смысл понятия «публичная сфера». В широком смысле она предстает как сфера публичных коммуникаций, которые «открывают производство, репродукцию или трансформацию социальных представлений, распределение символической власти в обществе и связанные с ним процессы создания границ наподобие межпространственных отношений» [20. С. 2]. Для свободного выражения мнений важны такие характеристики публичной сферы как дискурсивность, открытость, рациональность, равенство участников. В узком смысле, по утверждению А. Коллера, публичная сфера представляется как способность к аргументированному коллективному выбору.

Ю. Хабермас одним из первых ввел в научный дискурс понятие «публичная сфера». Под публичной сферой исследователь понимает «область социальной жизни, в которой может сформироваться общественное мнение» [18. С. 15]. В свою очередь, общественное мнение характеризует активную гражданскую позицию наиболее заинтересованной и неравнодушной части населения по отношению к государственной власти и контролю

за ней. По мнению Ю. Хабермаса, публичная сфера включает в себя сообщества, базирующиеся на добровольном членстве, признаками которых являются свободные дискуссии, мажоритарный принцип принятия решений и т.д. Следовательно, возрастает значимость публичности и публичных дискуссий. Отсюда публичная сфера выступает своеобразной ареной для политического дискурса по поводу решения социально-политических проблем жизнедеятельности общества [17].

Ю. Хабермас интерпретирует современную публичную сферу как многообразие различных подсфер, которые не могут быть администрированы и заключены в замкнутые общности. Новая медийная терминология уже характеризуется такими словами, как «виртуальная демократия», «электронная Агора», «блогосфера», «Твиттер-сфера», «экономика внимания» и т.д. Эти онлайн-форумы или социальные пространства Web 2.0 существенно отличаются от традиционных, во-первых, потому, что они привлекают гораздо больше людей, чем традиционные СМИ. Во-вторых, демократический потенциал Интернета может быть реализован благодаря все большему количеству дискуссий, которые могут происходить в нем, по сравнению с ограниченными возможностями традиционных СМИ, которые очерчены национальными границами. Однако интернет-коммуникации могут подрывать основания дискуссии под влиянием интересов государства и рынка. Зачастую СМИ, которые подчинены интересам корпораций и политических элит, формируют манипулятивную публичную сферу, сужающую возможности гражданской дискуссии и участия.

Демократические ресурсы публичной сферы. В современной публичной сфере можно выделить несколько ресурсов, оказывающих влияние на динамику демократии в целом. Под ресурсами подразумевается «запасы, источники чего-нибудь; средство, к которому обращаются в необходимом случае» [9. С. 553]. Теория жизненных ресурсов предлагает четыре разновидности, которые качественно неоднородны и не сводимы друг к другу, но взаимозаменяемы: деньги, энергия, время и информация (знания) [1. С. 2]. В контексте данного исследования обратимся к информации как ресурсному агрегату. Информация эквивалентна понятиям «данные», «знание», «смысл». Это часть человеческого капитала, возобновляемый ресурс, который может накапливаться и расходоваться, нарастать и разрушаться.

Особенностью современной публичной сферы является возможность ее субъектов независимо от их положения в социально-политическом пространстве создавать, модерировать, хранить, транслировать и потреблять информацию как основной ресурс. Следовательно, публичная сфера включает в себя процессы информационного и культурного обмена. Она является контекстом, в котором происходят эти транзакции.

Очевидным трендом современной коммуникационной эпохи является демократизация информации. Этот процесс включает тотальное расши-

рение доступа к информации, в том числе отмену привилегий на информацию, ранее доступную только некоторым группам. Следствием явилось расширение числа потребителей материалов, формирование массивов информационных банков (например, Wikipedia с ее огромным количеством статей, видеохостинг YouTube, электронная библиотека Romantic Circles, проекты Digital Michelangelo Project, American Memory, научная база данных Educational Resources Information Center, российская справочная правовая система «КонсультантПлюс», онлайн-курсы Coursera и многие др.), публично предоставляемых пользователям через новые медиа. Именно в таком виде новых массивов данных информацию в современной публичной сфере можно эксплуатировать как «сырье» (ресурс).

Чтобы информация попала к конкретным целевым группам, в публичной сфере используются различные механизмы, например, информационные волны. Информационные волны понимаются как «управляемое распространение информации по целевым группам для достижения социального эффекта» [4. С. 54]. Инфоволны являются мощным медийным манипулятивным ресурсом в публичной сфере, чем демократическим, так как благодаря им распространяются фейковые новости (fake news) и подогревается общественный интерес к инфоповодам, в которых заинтересованы конкретные субъекты. Доля информационных волн в социальных сетях составляет 65%-85% всего контента [11. С. 120].

Социальные сети как относительно самостоятельные средства коммуникации можно назвать самым демократичным ресурсом, воплощающим свободу выражения мнений. Социальные сети как основной источник новостей предпочитают 42% россиян, интернет издания – 39% [12]. С 2017 года по 2021 год число ежедневных пользователей социальных сетей в России увеличилось в полтора раза (37% в 2017 году и 57% в 2021 году). Самым популярным сервисом является Вконтакте (43%), второе место занимает YouTube, третье – Instagram и Одноклассники (31%), четвертое – TikTok (14%) [12].

Зачастую вера в возможность диалоговой коммуникации в социальных медиа подрывается крайней поляризованностью дебатов тех самых «информированных граждан», игнорирующих центральную роль уважения различий в демократии. Демократичность социальных сетей сомнительна еще и потому, что они давно уже стали мишенью крупных финансовых корпораций, влияющих на формирование контента с целью привлечь потребителей. Таргетированная реклама, геолокационная информация о пользователях по IP-адресу, инструменты типа Сгееру, теги активностей пользователей и медиа-теги, cookies файлы, веб-службы API и иные инструменты сбора персональных данных пользователей обрушиваются на целевые аудитории. Ирония заключается в том, что пользователи при регистрации в социальной сети добровольно идут на «паноптическую сортировку», когда дают согла-

сие на обработку персональных данных. В этом заключается парадокс дихотомии частного и публичного.

Некоторые драматические события, например, «цветные революции» в Тунисе, Египте и Ливии в 2011 году, в Украине в 2014 году и др. показывают значимость социальных сетей в политических процессах и их последствий. Свержение диктаторских режимов в «Арабской весне» превратилось в медиасобытие и было окрещено как «восстания в Twitter и революции Facebook».

Медийное изобилие в публичной сфере делает возможным становление такого ресурса как трансграничная публика. Появление интернета и социальных сетей потребовали глобализации публичной сферы и общественного мнения. Пространство для публичного дискурса и формирования общественного мнения все чаще происходит в транснациональном контексте, который пересекает национальные границы. В то время, как традиционные СМИ типа газетной прессы и телевидения были неотъемлемой частью создания национальной публичной сферы, широко распространилось предположение, что новые сферы коммуникации могут служить основой для общих интересов, общих вкусов, политических и культурных поворотов на глобальном уровне. Мощь медиа растет с распространением 24-часовых кабельных новостных сетей, Интернета, кажущейся вездесущностью персональных аудио-и видеоустройств, а также платформ социальных сетей.

Трансграничная, или глобальная, публика – это миллионы не связанных друг с другом граждан, живущих в самых разных уголках Земли, которые распространяют новости, обмениваются информацией, участвуют в фандрайзинге, наблюдают властные конфликты, следят за мировыми событиями, участвуют в них, обсуждают и ставят под вопрос действия правительств, основных политических фигур и т. п. Она поднимает крайне важные вопросы, например, для кого выгодна глобализация, а для кого – нет? Кто и за кого говорит сейчас в многочисленных структурах власти? Чьи голоса выслушиваются, а чьи интересы попираются или забыты? [8. С. 100].

На развитие трансграничной публики влияют рост глобальной журналистики и потоков международных новостей, демократизация информации и обмен данными, продуцирование и распространение развлекательного и образовательного контента, и особенно, такие медиаакторы как, Google, Microsoft, TimeWarner, Disney, News International, BBC, Al Jazeera, Bertelsmann и др. Теперь, когда доступ к мобильному телефону, новостным репортажам, фотографиям и мнениям стал почти повсеместным, граждане могут требовать от своих правительств подотчетности. Конечно, существует риск того, что они могут стать пешками для популистских демагогов и политиков. Данная ситуация более вероятна, когда СМИ контролируются, чем когда существуют многочисленные и независимые источники информации. Однако, существует проблема: эта новая глобальная публика «бездом-

мна» и легко распадается. Она не имеет сильных институтов и механизмов представительства, следовательно, уязвима для государственного вмешательства.

Следующим ресурсом, имеющим важное значение для публичной сферы и, в особенности, для представительной демократии, являются лидеры мнений, или «неизбранные представители». Под ними понимаются авторитетные публичные акторы, пользующиеся поддержкой и доверием части общества, выступающие защитниками общественных интересов и ценностей. Они завоевывают внимание и уважение общества, имеют успех благодаря разнообразным видам медийной презентации: имеют свои сайты, ведут блоги, аккаунты в социальных сетях, дают интервью, которые потом становятся «вирусными», и т.п. В роли общественных представителей они воплощают тот тип лидерства, который способен мотивировать людей к самостоятельным действиям.

Авторитет таких лидеров мнений лежит за пределами электоральной политики. Именно они, имея общественную поддержку, могут ставить под вопрос легитимность и жизнеспособность избранных парламентов и политиков. Незбранные представители крайне полезны для демократии и публичной сферы, особенно когда политики как избранные представители испытывают все больший недостаток доверия, а в обществе царит политическая апатия и распространяется недоверие к политике руководства в целом. Например, в России политическим партиям доверяют 22% респондентов, отказывают в доверии 64% [6]. К тому же, политические партии завершают список доверия социальным институтам. Государственной Думе доверяют 29% респондентов, Совету Федерации – 30%, не доверяют – 66% и 57% [6].

Недоверие к политикам и разочарование официальной политикой во многом связаны с феноменом макрекерства в медиасфере. Термин «макрекерство» (от англ. *muck-racking* – «разгребание грязи») возник в США в конце XIX века. Макрекерство – это стиль журналистики, которая занимается расследованиями, связанными с коррупцией и злоупотреблением в органах власти и бизнесе. Суть деятельности макрекеров заключается в бомбардировке органов власти публичными «разоблачениями», фактами, «неожиданными» утечками. Они продуцируют медийные «события», оказывая воздействие на представительную демократию и ее институты. Макрекерство «углубляет и так уже достаточно значительные разрывы, открывшиеся между партиями, парламентами, политиками и доступными средствами коммуникации» [8. С. 59]. Макрекеры обращают внимание на проблему, являющейся традиционной для демократии: власть всегда тяготит к тайне и молчанию. Этим объясняется ресурсность макрекерства для демократической публичной сферы.

Существуют организации, занимающиеся макрекерской деятельностью и оценкой деятельности власти: Amnesty International, Human Rights Watch, Avaaz.org, Global Witness, «Консорциум World Wide Web» (W3C) и др. Проект WikiLeaks является одним из самых популярных и обсуждаемых, так как публикует очень много информации и секретных документов, связанных с США, их союзниками и врагами. Под сомнением всегда остается самостоятельность журналистов-макрекеров. Открытыми остаются вопросы: на кого они работают, откуда получают информацию.

Впервые в России макрекеры появились в 1990-х годах, в центре политических конфликтов. Их деятельность была связана, главным образом, с коррупционными расследованиями. В 2000-е годы сформировался образ макрекера, «встроенного в систему политических интересов и подчиненного ей, как показывает карьерный путь Александра Хинштейна, на пересечении журналистики, политики и деятельности спецслужб» [13. С. 59].

Выводы. Итак, в современном сетевом обществе власть многомерна и организована вокруг цифровых, интерактивных и саморазвивающихся сетей, участники которых имеют очень разнообразные интересы и ценности. Как утверждает М. Кастельс, поскольку СМИ в значительной степени контролируются правительствами и медиакорпорациями, в сетевом обществе коммуникативная автономия строится, главным образом, в сетях Интернета и на платформах беспроводной связи [14]. Эти социальные сети создают новое общественное пространство для обсуждения, отличное от конституционно закрепленного пространства, которое занимают доминирующие политические и экономические элиты. По утверждению М. Кастельса, политика в современном сетевом обществе «есть медиаполитика, сконцентрированная на политике скандалов и связанная с глобальным кризисом политической легитимности, оспаривая тем самым принципы демократии в мире» [7. С. 45].

Совокупный эффект демократизации информации, функционирования социальных сетей, действий трансграничной публики, лидеров мнений, макрекерства оказывает влияние на динамику демократии, повышает подозрительность людей по отношению к неподотчетной власти. Сегодня информация перестает быть «незыблемыми фактами», строго фиксированной категорией с определенным содержанием. Ее не отыскивают у авторитетов. Та «реальность», которую стремится установить власть, – это, как правило, «реальность в репортаже», производимая в виде сообщений, которые конструируются, переделываются, персонифицируются и т.п. в процессе коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Балацкий Е.В. Теория жизненных ресурсов: модели и эмпирические оценки // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2 // http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/balatskiy_teoriya.pdf.

2. Бардаков А.И. Муниципальное управление: теория, история, практика. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007.

3. Белоусова С.В. Актуальные проблемы некоммерческого сектора: коммуникационный аспект // Вестник РУДН, серия «Политология». 2014. № 3.

4. Градосельская Г.В., Щеглова Т.Е. Информационные волны – оружие XXI века // Сети 4.0. Управление сложностью. Сборник статей по материалам международных научно-практических конференций, состоявшихся в Москве в 2018-2019 годах. М.: ВЦИОМ, АСИС, 2020.

5. Даль Р. О демократии / пер. с англ. А.С. Богдановского; под ред. О.А. Алякринского. М.: Аспект Пресс, 2000.

6. Доверие политикам и президентское голосование. Левада-центр, 03 сентября 2020 года // <https://www.levada.ru/2020/09/03/doverie-politikam-i-prezidentskoe-golosovanie/>.

7. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

8. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под. ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. Москва: Рус. яз., 1987.

10. Румтер М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы. Москва, 1998.

11. Сети 4.0. Управление сложностью. Сборник статей по материалам международных научно-практических конференций, состоявшихся в Москве в 2018-2019 годах. М.: ВЦИОМ, АСИС, 2020.

12. Социальные сети в России. Левада-центр, 23 февраля 2021 год // <https://www.levada.ru/2021/02/23/sotsialnye-seti-v-rossii/>.

13. Фаварель-Гарриг Ж. Борьба с коррупцией как общественная проблема // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-korrupsiiei-kak-obschestvennaya-problema>.

14. Castells M. Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication 8. 2007.

15. De Sola Pool. Technologies of Freedom. Belknap Press of Harvard University Press, 1983.

16. Ferguson M., ed. New Communication Technologies and the Public Interest. London: Sage, 1986.

17. Habermas J. On Society and Politics. Ed. By S. Siedmen. N.Y.: Beacon Press, 1989.

18. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry a Category of Bourgeois Society. Cambridge, M.A.: The MIT Press, 1998.

19. *Kellner D.* Intellectuals, the New Public Spheres, and Techno-politics // <http://www.gseis.ucla.edu/faculty/kellner/essays/intellectualsnewpublicspheres.pdf>.

20. *Koller A.* The Second Structural Transformation of the Public Sphere: paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, TBA. San Francisco, 2006 // http://www.allacademic.com/meta/p172425_index.html.

N.I. KRIVOSHEEVA

Postgraduate of the Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management – branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia

V.YU. PODURUEVA-MILOEVICH

Postgraduate of the Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management – branch Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Volgograd, Russia

DEMOCRATIC RESOURCES OF THE MODERN PUBLIC SPHERE: FROM SOCIAL NETWORKS TO MUCK-RACKING

The article substantiates the characteristic features of the modern public sphere in the context of the three most important institutions of democracy, such as freedom of expression, alternative sources of information and the autonomy of associations. It is argued that the core of the modern public sphere are the following resources: democratization of information, social networks, cross-border public, opinion leaders, macro-hacking. The influence of these resources on democratic institutions is analyzed. The concept of the public sphere Yu. Habermas and the concept of «communicative abundance» by J. Keane is offered as a methodological tool that reveals the relationship between the modern public sphere and its democratic potential.

Key words: *public sphere, democracy, Internet, mass media, civil society, democratic resources, social networks.*